

§1 НАСЛЕДИЕ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Барков С. А.

ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Аннотация. Объектом исследования является история потребления как экономического и социального процесса. Предметом исследования является поведение различных общественных классов и социальных групп в процессе потребления как материальных, так и духовных ценностей. Исследуются различные аспекты потребления и влияния на них различных аспектов экономики и производства. Исследуются работы известных зарубежных авторов по экономике и социологии. В исследовании нашли своё применение институциональный, социологический, культурологический и системный подходы к анализу потребления как социально-экономическому явлению. Методологический принцип системности позволил автору всесторонне проанализировать эту реалью во всей ее сложности и многогранности. Научная новизна заключается в изучении особенностей потребления как социально-экономического феномена. Так, в постиндустриальном обществе потребление разнообразных нестандартизированных товаров становится решением проблемы среднего класса, сталкивающегося с невозможностью удовлетворить потребность в творчестве (самореализации) на рабочем месте. Потребление становится массовым творчеством современных людей, в рамках этого процесса они могут удовлетворять даже самые высшие свои потребности. При этом люди не могут тратить на потребление столько же времени и сил, как это было в случае с элитой доиндустриального общества.

Ключевые слова: потребление, творчество, пролетариат, средний класс, фордизм, глобализация, индустриальное общество, постиндустриальное общество, менеджмент, социальные процессы.

Review. The object of the research is the history of consumption as an economic and social process. The subject of the research is the behaviour of various social classes and groups in the consumption of both material and non-material goods and values. The author examines different aspects of consumption and how they are influenced by different aspects of economics and production. The article studies the works of famous foreign economists and sociologists. The research used institutional, sociological, cultural and systems approaches to the analysis of consumption as a socioeconomic phenomenon. The methodological systems principle allowed the author to conduct an all-embracing analysis of this complex and comprehensive realia. Scientific novelty of the research lies in the study of peculiarities of consumption as a socioeconomic phenomenon. Thus, in postindustrial society the consumption of various non-standartised goods becomes a solution of the problem of middle class that faces the impossibility of fulfilling the need in creativity (self-fulfilment) in their job. Consumption is becoming a mass creativity of modern people. Within this process they can satisfy even their

biggest needs. At the same time, people cannot spend as much time and efforts on consumption as in the case of the elites of pre-industrial society.

Keywords: *post-industrial society, industrial society, globalisation, Fordism, middle class, proletariat, creativity, consumption, management, social processes.*

О диалектике производства и потребления написано много. В большинстве случаев этой проблематикой занимались экономисты, создавая концепции либо отдающие предпочтение одной стороне этого единства (экономика спроса, экономика предложения), либо раскрывающие специфические особенности потребления и производства в конкретных временных или территориальных реалиях. При этом и у производства, и у потребления есть свои социологические и менеджерильные измерения, в рамках которых рассмотрение данных феноменов в эпоху постмодерна приобретает весьма оригинальное и актуальное звучание.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В доиндустриальную эпоху в целом потребление отличалось скудостью и однотипностью (стандартизацией). Кроме того, оно самым существенным образом различалось у различных классов и сословий. В силу низкой производительности труда люди не могли позволить себе выбирать из широкого спектра потребительских благ. Их попросту не было. Значительная часть населения просто удовлетворяла свои первичные потребности с помощью традиционных объектов потребления. Набор их не менялся веками и сильно зависел от климатических условий и специфики трудовой деятельности. Грубо говоря, одни носили зипуны и валенки, другие — набедренные повязки. Вследствие этого возникла особая стандартизация потребления, детерминированная природными условиями. Так, вся Россия в течение многих веков, да во многих районах и по сей день, «покрыта» так называемыми пятистенками — традиционными деревянными (чаще всего бревенчатыми) домами с фасадами в три окна. Климат диктовал размер окон — в Вологодской области они маленькие и расположены достаточно высоко над полом, что помогает сохранять тепло в условиях северной России, южнее окна могут быть намного шире. То же самое касалось и одежды, и пищи. Понятно, что человек всегда оставался человеком, и чувство красоты, а также понимание оригинальности красивых вещей всегда были важными детерминантами его существования. Но в ту эпоху они находили свое воплощение лишь в деталях: каких-нибудь особых наличниках на окнах, необычном «петухе» на конь-

ке крыши или узорах в одежде. Опять же одна хозяйка могла готовить щи вкуснее другой, используя свой особый рецепт. Таким образом, разнообразие касалось лишь небольших деталей при абсолютно стандартном потреблении большинства людей в определенной местности.

При этом традиционное потребление позволяло жить, не чувствуя комплекса неполноценности. Все люди в деревне потребляли стандартные блага. Кто-то из них был несколько богаче, кто-то — беднее, но только в годы трагических неурожаев речь шла о выживании на грани смерти. В целом и в России, и в Европе крестьяне жили достаточно устойчивой с точки зрения потребления жизнью.

Потребление высших сословий характеризовалось совсем другими закономерностями. Мало того, что они потребляли в разы больше, их потребление было поистине разнообразным, хотя, как и всегда, во многом обусловленным феноменом моды, который в значительной степени нивелирует индивидуальные различия. Вместе с тем сама мода могла существовать именно потому, что был широкий выбор из самых различных потребительских благ. По отношению к крестьянству с его стандартизированным потреблением узкого спектра благ феномен моды вообще малоприменим. Люди высших сословий могли менять практически все в своем потреблении достаточно часто, и мода лишь указывала направления таких изменений. Так барокко сменялось классицизмом, а тот в свою очередь другими стилями создания зданий, одежды и быта.

По отношению к тому, что происходило в доиндустриальную эпоху с высшими слоями общества можно выделить две важнейшие социальные тенденции. Во-первых, у этих людей было время не только на создание, но и на потребление продуктов подлинной творческой активности. Еще по отношению к Древней Греции традиционно утверждают, что независимость высших слоев полисов от процесса добывания пропитания давало бесконечные возможности для проявления творческой активности, и создало, в конечном счете, великую античную цивилизацию. Редко обращают внимание на то, что творец — ничто без своей аудитории. Мало создать скульптуру или философский трактат — в обществе должно найтись достаточное количество людей, которые наслаждались бы, потребляя эти шедевры. Они должны иметь и деньги, и время, и желание

для этого. И такая благоприятная для творчества ситуация складывалась многие тысячи лет в эпоху преמודерна. Мало того, что сами творцы для вдохновения и ориентации в пространстве продуктов творчества, читали, смотрели, спорили, обсуждали и т.п. В обществе было очень большое количество нетворческих людей (нетворческих — в том смысле, что сами они ничего не создавали, или их творения явно уступали созданному подлинными мастерами), которые имели почти неограниченное время на потребление творчества. Прочтение серьезного романа — это тяжелый труд. На него нужны время и силы, и у представителей высших сословий и того, и другого было предостаточно.

Сегодня подавляющему числу читателей романы XVIII–XIX веков кажутся «затянутыми». И главная причина этой натянутости кроется в особенностях потребления романов в ту эпоху. Представители дворянства никуда не спешили. Они могли прочитать описание пейзажа, которое занимает несколько страниц, прочувствовать настроение автора, обсудить его с друзьями, и только через два дня после подлинного наслаждения прочитанным вернуться к книге и начать разбираться в хитросплетениях сюжета. Когда читаешь подобного рода фрагменты у Толстого, Достоевского, Тургенева, Бальзака или Диккенса за страницами сразу видится профиль неспешной дворянки, жизнь которой во многом состоит из чтения книг, музицирования, живописи... При этом она никогда не напишет и не сотворит что-то значительное, но она может это значительное «потребить по назначению». Эта дворянка постоянно отводит глаза от текста, задумывается над стилем, соотносит только что прочитанное с прочитанным ранее, своей жизнью и жизнью знакомых. Такой возможности потребления творчества были лишены как крестьяне той эпохи, так и практически все люди современности.

Вторая черта потребления высших сословий доиндустриального мира — это глобальность (именно в том смысле, как мы понимаем глобализацию сегодня). Элитарная культура и элита общества (в том, что касается потребления) уже несколько веков демонстрируют явную тенденцию к глобализации. Если понимать транснациональную компанию как организацию, изначально планирующую свою производственную и маркетинговую деятельность в международном масштабе, то первыми компаниями такого рода следует признать французских кутюрье и виноделов, а также все те европейские фирмы, которые производили товар для элиты в XVI, XVII и XVIII веках. Даже в те времена сверхдорогие товары можно было производить, только ориенти-

руясь на элиту многих стран. Покупателей данной продукции в одной стране так мало, что реальную экономическую выгоду можно получить только от глобального ее распространения.

В литературе XIX века глобальные характеристики культуры и потребления тогдашней элиты нашли самое яркое отражение. Приобщенность к глобально знаменитой продукции подчеркивала высокий статус персоны — вспомним Хлестакова, наповал сразившего провинциальный бомонд замечанием о супе, который на его стол привозят в кастрюльке «прямо из Парижа». На самом деле, Париж в этом плане мало чем отличался от других мест. И здесь элита хвасталась тем, что имеет возможность закупать различные вещи по всему миру, в частности в России. А. Дюма так описывает пир, устроенный графом Монте-Кристо: «Все плоды четырех стран света, какие только могли свежими и сочными попасть в европейский рог изобилия, громоздились пирамидами в китайских вазах и японских чашах. Редкостные птицы в своем блестящем оперении, исполинские рыбы, простертые на серебряных блюдах, все вина Архипелага, Малой Азии и Южной Африки в дорогих сосудах... прошли перед взорами этих парижан...»^[1]. Обращаясь к сотрапезникам, устроитель пира особенно подчеркнул возможное наслаждение от «глобального потребления»: «Вот, например, посмотрите на этих двух рыб: одна родилась в пятидесяти лье от Санкт-Петербурга, а вторая в пяти лье от Неаполя; разве не забавно соединить их на одном столе?»^[1,51].

Жесткая сословная система эпохи преמודерна не давала возможности разительной разнице в количестве и качестве потребления вылиться в социальное напряжение. Сознание людей во многом было подчинено традиции. И хотя крестьянин не отказался бы от того, что бы потреблять, как царь или король (о чем свидетельствуют многочисленные сказки той эпохи) разница в статусах и соответственно в потреблении воспринималась как нормальное явление, заданное традицией и самой структурой нормальной жизни. Подспудный смысл сказки А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке» сводится к тому, что крестьянка, по определению, не должна мечтать о том, чтобы жить как столбовая дворянка, а тем более царица. Конечно, всегда находились некоторые социальные лифты, которые помогали очень активным и талантливым крестьянам (М. В. Ломоносову и др.) повысить свой статус и соответственно начать потреблять на уровне высших сословий. Но такие примеры единичны и скорее доказывают общее правило — существование

реальной пропасти в потреблении различных каст, классов и слоев доиндустриального общества.

Сильные моральные устои и истинная религиозность низших классов — в первую очередь крестьянства — так же способствовали стабильности всей социальной системы, в том числе, и системы потребления благ. Заведенный Богом порядок нельзя нарушать, тем более что он был не так уж плох для многих людей. Крестьянин женился один раз, «в поте лица своего» добывал хлеб, растил детей. Если он трудился хорошо — он мог рассчитывать на удовлетворение всех потребностей — пусть на самом низшем уровне и самым стандартным путем.

Общество было недемократичным как по своей сути, так и по тем идеологемам, которые его обслуживали. Иерархия воспринималась как навсегда заданное устройство общества. Ее нарушение воспринималось как преступление. Лучше всего эту идею выразили эзотерики и так называемые революционные консерваторы, считавшие прошлое неким «золотым веком» человечества и видевшие в нем идеальный порядок вещей. Наиболее полно идеи данного направления развили в начале XX века в своих трудах Юлиус Эвола и Рене Генон (*У них было множество последователей в разных странах. Среди них в первую очередь выделяются немецкие «консервативные революционеры», к которым можно отнести Э. Юнгера, А.М. авн ден Брука, О. Шпана, Э. Никиша, О. Шпенглера, К. Шмитта, Э. Фон Заламона, В. Зомбарта, и др. Французский традиционализм представлен прежде всего последователями Генона и представителями «новой правой» идеологии М. Вальзаном, Ф. Шуоном, П. Серраном, Ж.—П. Лораном, Ж. Робеном, А. Монтегю, А. де Бенуа и др. Наиболее ярким отечественным представителем данной идеологической и социально-философской доктрины является А.Г. Дугин.*)

Традиционалисты придерживались пессимистического взгляда на историю, свойственного древним народам, верившим в движение земного мира от золотого века к железному. «Древний пре-модерн» был для них идеалом. Именно в рассуждениях о деградации общества впервые возникает и развивается противопоставление двух социальных порядков: иерархии и равенства Ю. Эвола четко противопоставляет древнюю общественную иерархию, ведущую свою историю чуть ли ни от атлантов, «экклезии» — социальному устройству ранних христианских общин, основанную на принципах равенства и взаимной зависимости. «Имперский принцип — писал Эвола, — это иерархия, порядок, идущий сверху. Принципом христианской экклезии было равенство, братство. В Империи существова-

ли персонафицированные отношения зависимости, там были господа и были слуги. Там существовал кастовый режим в совершенной форме. В экклезии эти отношения обезличились: экклезия стала союзом одинаковых существ — без вождей, без классов, без традиционных различий, поддерживаемым лишь взаимной зависимостью и одинаковыми душевными потребностями» [2]. Впоследствии в рамках средневекового порядка, установленного католической церковью, как считал Эвола, по «романскому» образцу, европейцам удалось на время укротить дух экклезии. Но затем, когда свершились капиталистические революции (восстание одной из низших каст), этот дух возобладавал.

Иерархия мыслилась как абсолютно естественная для человечества общественная структура. Она основана на чувстве преданности, верности господину (*fides*), присутствие которого в социальном устройстве отличает высшие слои общества от низших. В подчиненных должна быть гордость за то, что они служат вышестоящим. «Акт служения должен быть... осознан как свобода и предопределение, как преображающая преданность, не унижающая, а, напротив, возвышающая... На этой духовной основе должна образоваться структура, проходящая перпендикулярно сверху вниз, в которой вожди будут единственными центрами, а центры низших организаций, будут в свою очередь подобны офицерам среди солдат» [2, 39]. Тем самым очень четко обозначалось наличие вертикальных социальных связей в одной форме социальности (организация) и их принципиальное отсутствие в другой (рынок).

Традиционалисты принципиально отрицали равенство элементов социальной системы. Они подчеркивали тот факт, что люди объективно неравны, но в отличие от либеральных мыслителей, которые считали это положение неестественным или по крайней мере в какой-то степени исправимым, они утверждали неравенство и дифференциацию как незыблемые и плодотворные принципы. В демократическом государстве правящие круги не равны рядовым гражданам, но чувствуют от них пагубную зависимость. Вместо того, чтобы воплощать в жизнь свои идеи «без страха и упрека», они оказываются связанными по рукам и ногам и подчиняются воле толпы.

Поклонники премодерна полностью отвергали и равенство, и демократию как реальное социально-экономическое и политическое воплощение равенства. Ее отрицание было фактически аксиоматическим, не требующим специальных доказательств, сама логика мысли подводила к нему. «Самые решительные доводы против демократии, — писал

Генон, — можно сформулировать следующим образом: высшее не может происходить из низшего, поскольку из меньшего невозможно получить большее, а из минуса плюс» [3].

Конечно, феодальный крестьянин не обладал такой логикой, и только отчасти мыслил, как традиционалисты. Но строение доиндустриального общества в любом случае базировалась на незыблемом принципе иерархии, которая объясняла и оправдывала неравенство в статусах, в частности, и в том, что касается потребления. Неравенство в потреблении воспринималось тогда как вполне естественное.

Промышленная революция и индустриализация разрушили эту стабильную картину мира. Люди были вытолкнуты в города, где не имели реальных средств к существованию. Они вынуждены были продавать себя за бесценок, просто для выживания. Образно говоря, началось «падение населения в пролетариат». Это был один из самых трагических и одновременно системообразующих процессов, повлиявших на жизнь человечества на протяжении уже двух с лишним столетий. Сегодня жизнь пролетариата в России можно легко понять, наблюдая за гастарбайтерами из Средней Азии. Снимать восьмером шестиметровую комнату, при том, что хозяева еще и ограничивают пользование ванной и туалетом, питаться «бомжпакетами» и белым хлебом с молоком, одеваться в обноски — все эти черты потребления были в несколько измененном историческом виде характерны для пролетариата развитых стран начала капиталистической эпохи. Даже для представителей чуть более высокого слоев городского населения, чем промышленные рабочие, удовлетворение самых простых жизненных потребностей стало проблемой. Здесь стоит вспомнить героя рассказа Н.В.Гоголя «Шинель», для которого покупка пальто была проблемой чуть ли не всей жизни.

При этом положение практически всех рабочих и работников развитых стран XIX века было в чем-то даже хуже, чем у сегодняшних отечественных гастарбайтеров. В ряде случаев, если разговаривать с уроженцем Таджикистана или Узбекистана, ведущим нечеловеческое «пролетарское» существование в Москве, он может вытащить смартфон и показать, какой дом строит на заработанные деньги у себя на родине. У него есть семья, живущая в традиционных условиях. Живут они, конечно, тяжело, но при помощи из Москвы никто не голодает, и третий этаж особняка, который в России стоил бы многие миллионы рублей, там постепенно строится. В первую очередь это стало возможным из-за плавающих курсов валют и отсутствия золотого стандарта. Местные

валюты могут стоять так дешево, что даже наличие небольшого количества более сильной валюты делает человека относительно богатым. Именно поэтому дальневосточные пенсионеры из России так любят жить в Китае, а Камбоджа стала просто «Меккой» для людей, которые не хотят практически совсем тратить деньги для удовлетворения первичных своих потребностей. Сто лет назад ситуация была другой. Из-за золотого стандарта заработать в качестве рабочего в США деньги, которые позволили бы безбедно жить семье в Польше или Италии, было практически невозможно. Безусловно, мигранты в США старались подпитывать свои семьи деньгами, но ни о каких многоэтажных домах, построенных на них, нельзя было и мечтать. Большинство же пролетариев были уроженцами своей страны и вынуждены были мириться с существованием на грани голода как для себя, так и для своих жен и детей.

Пролетарское потребление, ставящее человека на грань между жизнью и смертью, меняет его внутренний мир. Первичные потребности выступают на первый план, и для их удовлетворения можно сделать все, что угодно. Ни о какой религиозности и душевном спокойствии крестьянина речь уже не идет. И тогда в западных странах, и у наших гастарбайтеров моральные критерии оказываются смещены. Можно убивать, воровать, торговать наркотиками, обманывать. Все это даст возможность хоть как-то подняться над уровнем всеобщей нищеты.

Если на Западе классическими трудами, описывающими жизнь пролетариата, считаются «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса и ряд романов Ч. Диккенса, то в России в научном и политическом плане наиболее заметны труды марксистов начала XX века, а также знаменитый роман Булгакова «Собачье сердце». Всюду авторы фиксировали полное моральное разложение пролетариата. Если в комнате впопалку спят 50–80 мужчин и женщин, дело часто просто доходило до откровенного промискуитета. Моральные нормы перестали быть обручем сдерживающим стремление к улучшению потребления. Не случайно, марксисты увидели в пролетариате людей, способных легко и без всяких сожалений разрушить старый мир, чтобы хоть чуть-чуть нажиться на его обломках.

А высшие сословия продолжали потреблять по-прежнему. Причем количество потребительских благ неуклонно росло: появились автомобили, поездки на теплоходах и поездах, новые ткани для пошива костюмов, рецепты новых блюд, приготовленных с использованием новых технических средств и поваров, рожденных за многие тысячи киломе-

тров от места работы. Представители пролетариата с ненавистью смотрели на этот пир элиты. Они были готовы сделать все, чтобы обрести такие же возможности потребления. Возникло сильнейшее социальное напряжение.

Важно и то, что формирование пролетариата совпало с формированием идеологии равенства. Будучи одним из лозунгов Французской революции равенство постепенно стало претворяться в жизнь, в частности в политической сфере. Пролетарий с правой и политической точек зрения (особенно, когда был снят имущественный ценз дна выборах, и избирательным правом были наделены все мужчины) стал воспринимать себя равным представителю высших сословий. Экономические же реалии его жизни полностью опровергали саму возможность стать равным. Более того экономическое положение, в том числе и потребление, пролетария было хуже традиционного крестьянского. Идеология равенства однозначно призывала к борьбе за свои права, которые в первую очередь касались возможности иметь сколько-нибудь сравнимые нормы потребления с элитой общества. Именно идеология равенства поставила на повестку дня вопросы об эксплуатации, несправедливости и фрустрации (разрыва между ожиданиями личности и реальным его положением в обществе). Все эти понятия и явления стали основой различных социалистических концепций, имевших своей целью либо полное упразднение, либо существенную корректировку капитализма.

Представители элиты очень быстро осознали свою потенциальную и реальную уязвимость. Предреволюционные ситуации возникали по всему развитому миру, а в ряде случаев оборачивались и реальными социальными революциями с уничтожением верхушки общества. Кроме того, сам «имидж» пролетария никак не вписывался в картину идеального мира, разрабатываемую социальными философами и политиками того времени в Европе и Америке. Капитализм мыслился как прогрессивный строй, а о каком прогрессе могла идти речь, когда большинство населения живет немногим лучше, чем рабы в Древнем Риме.

Напомним, что элита имела неограниченные возможности в потреблении произведений искусства, а те были всегда морально акцентированы. После чтения Тургенева или Мопассана невозможно было спокойно наблюдать за происходящим в период раннего капитализма (*Практически все искусство, и, в особенности, классическая русская и европейская литература XIX века, во многом формировавшая мировоззрение людей того времени, были проникнуты антикапиталистическим пафосом. С моральной точки*

зрения, писатели и иные деятели культуры считали своим долгом защищать обездоленных и критиковать эксплуататоров. Они воспринимали предпринимателей как чуждый враждебный класс, разрушающий культурные ценности. Очень точно в свое время выразил эту мысль один из наиболее активных защитников капитализма Л.фон.Мизес: «Среди ста тысяч читателей Диккенса нет ни одного, который прочел бы хоть строчку, написанную утилитаристом. Диккенс, как и многие другие романисты, учил миллионы людей ненавидеть либерализм и капитализм. Однако он не был первым защитником деструктивизма, по крайней мере не меньше, чем Уильям Моррис, Шоу, Уэллс, Золя, Анатолий Франс, Герхард Гауптман, Эдмондо де Амичис и другие. Все они отвергают капиталистический порядок и клеймят частную собственность на средства производства, иногда даже неосознанно» (Мизес Л. фон. Индивид, рынок и правовое государство / Пер. С. Мальцевой. — СПб.: Пневма, 1999. — С.165). Подробнее об этом см. Бизнес в литературе / Под. Ред. С.А. Баркова и В.И. Зубкова. — М.: Академический проспект, 2014.). Тем самым на поиск решения проблемы пролетариата, точнее, его потребления работали как объективные (боязнь революции), так и субъективные (моральная неудовлетворенность элиты) факторы. И такой поиск начался и привел к самым разным последствиям в развитии индустриального общества, или общества эпохи модерна.

МЕНЕДЖМЕНТ И СТАНДАРТИЗАЦИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Первое решение проблемы пролетариата заключалось в социалистической революции. Это, на первый взгляд, самое логичное и рациональное решение в исторической практике оказалось не слишком удачным. С точки зрения решения проблемы потребления, этот подход предполагал два этапа. Реализация «шариковского» лозунга «Отнять и поделить» должно было на первых порах повысить уровень потребления пролетариата за счет отнятых у высших слое благ. Происходила экспроприация экспроприаторов. Затем уже на втором этапе нужно было создать действенную систему производства и распределения, которая бы обеспечила всех примерно равным и при этом относительно высоким уровнем потребления. Построить такую систему, в конечном счете, не удалось. На пути роста потребления в 1960–70-е годы при относительном равенстве доходов были достигнуты определенные успехи как в СССР, так и, особенно, в странах Восточной Европы. Фактически, был создан средний класс социалистического общества. Однако устойчивая сис-

тема, которая без внешних благоприятных факторов воссоздавала бы ситуацию эгалитарного роста, оказалась утопией. Как будет показано ниже, некоторые наработки в решении проблемы пролетариата были заимствованы из менее радикальных подходов к ней, что вкупе с высокими ценами на нефть позволило только в определенный и очень недолгий период поддерживать систему, созданную в результате социалистической революции, в стабильном состоянии. Память об этом «брежневском изобилии» надолго останется в сознании соотечественников, но рациональным и окончательным решением означенной проблемы быть признано не может.

Другим, также неоднозначным, но в итоге более плодотворным решением проблемы пролетариата может быть признана фордистская система производства и потребления (тейлоризм и фордизм). Это решение можно условно назвать «внутренним», так как оно не подразумевало вовлечение внешних, зарубежных факторов и сил для того, чтобы умерить аппетиты пролетариев и сделать их более лояльными существующему строю.

В конце XIX — начале XX веков наиболее сильное напряжение в отношениях между пролетариатом и администрацией предприятий наблюдается в США. Сегодня это может показаться странным, но очень многие мыслители того времени прогнозировали полноценную социалистическую революцию именно в Штатах (*В качестве примера такого вполне «обоснованного» прогноза см. переиздание книги известного русского философа и юриста Г.К. Гинса (Гинс Г.К. Предприниматель. — Посев, 1992)*). Многотысячные выступления рабочих, их кровавые подавления в те годы охватывали почти всю страну. Стоит вспомнить, что корни праздника 1-го мая — дня рабочей солидарности нужно искать в кровавых событиях на демонстрации рабочих в Чикаго в 1889 году и последовавшей за ней казнью организаторов. То же самое можно сказать и о 8-м марта, истоки которого, по общепринятой версии, следует искать в «марше пустых кастрюль», который провели в этот день в 1857 году работницы текстильной промышленности и фабрик по пошиву одежды в Нью-Йорке в знак протеста против неприемлемых условий труда и низкой заработной платы. Эти женщины в то время работали до 16 часов в сутки, а труд их был исключительно низкооплачиваемым.

Институциональным фактором, породившим столь сильное социальное напряжение, была «американская мечта». В Америку люди ехали за хорошей жизнью, каждый в душе хотел стать миллионером. Кроме того, мигранты выпадали из традиционной системы иерархических отношений, они

чувствовали себя поистине свободными. Если для рабочего в России или Германии власть начальника цеха была чем-то сродни власти помещика над его отцом или дедом, с ней в принципе мирились и даже считали совершенно нормальной, американцы не хотели признавать никаких авторитетов. Кроме того, фрустрация у них была самая сильная: желание стать миллионером оборачивалось жизнью на грани голода в ночлежках и работой в нечеловеческих условиях на заводах и фабриках. Они были готовы убивать менеджеров, что часто и делали, благо что свободное ношение оружия стало незыблемым правом человека в Новом свете. Они попросту могли прийти к менеджменту компании и сказать: «С завтрашнего числа мы хотим получать в 2 раза больше! Не хотите платить — получайте пулю!» И было совершенно непонятно, что с этим делать. Индивидуалистический настрой рабочих в США проявлялся во все времена. Даже в периоды первой и второй мировых войн, единственной нацией, позволявшей себе забастовки с целью улучшить условия жизни, были американцы. Никакие запреты не могли на это повлиять.

Именно поэтому в США впервые возникла совершенно новая парадигма управления людьми, позволившая в конечном итоге существенно снизить социальное напряжение. Речь идет о тейлоризме. Следует отметить, что сам Ф. У. Тейлор никоим образом не позиционировал свою доктрину как средство умиротворения рабочих. Он считал, что занимается рационализацией и вводит научные принципы там, где ранее, как и во множестве других сфер жизни людей, господствовала традиция. Он даже говорил весьма возвышенно о своей миссии: «то время, когда личное совершенствование каждого отдельного человека могло быть осуществляемо им одним, без всякой помощи со стороны других людей, — что это время быстро уходит. Приходит время, когда все великие достижения будут осуществляться путем такого коллективного сотрудничества, где каждый отдельный человек осуществляет те функции, для которых он наилучшим образом приспособлен, где каждый человек сохраняет свою собственную индивидуальность и является непревзойденным в своей частной функции, где ни один человек ничего не утрачивает из своей оригинальности и надлежащей личной инициативы, но все же каждый работает под контролем и в гармоническом сотрудничестве со многими другими людьми» [4].

Реальная социальная практика и, главное, последствия тейлоризма оказались значительно сложнее простой констатации об экономии сил людей на основе передовых методов управления. Впервые

на это обратил внимание американский рабочий Г. Браверман. За свою жизнь он написал всего одну книгу («Труд и монополистический капитал: деградация труда в двадцатом столетии» — англ. *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*, 1974), но эта книга стала поворотной в трактовке как самого менеджмента, так и его американских корней. К написанию книги автора подтолкнуло неотступное ощущение того, что на протяжении сорока лет он работает с все более глупыми людьми. Будучи типичным американцем Браверман сменил множество мест работы и проживания — от судостроительных верфей до типографии. Анализируя свой опыт общения с коллегами, он понял, что еще несколько десятилетий назад в хозяйстве страны было много людей, которых мы в России привыкли именовать «левшами». Они сами могли выполнять очень сложные операции, читать чертежи, принимать нестандартные решения по сборке сложных механизмов. Понятно, что интеллект, задействованный на работе, «не спал» и дома. Эти люди, будучи простыми рабочими, могли читать Шекспира, с ними было интересно поговорить. К концу своей трудовой жизни Браверман почти не встречал таких людей, их заменили довольные собой средние американцы, знающие одну-две операции и получающие за это приличные деньги. При этом рабочий класс явно деградировал в интеллектуальном отношении. Вину за такое положение дел Браверман возложил на Тейлора и Форда. Он утверждал, что с помощью деградации труда капиталисты уничтожили своего врага. Рабочие стали настолько глупыми и настолько зависимыми от начальства, что даже подумать о социалистической революции не могли. Почему и как это произошло?

Практика борьбы с непомерными запросами агрессивных пролетариев выявила особую опасность квалифицированных рабочих. Они обладали тем, что принято называть «тайнством мастерства». Они знали больше менеджеров и могли «выкручивать им руки». Дело в том, что традиционное управление людьми, существовавшее еще с древних времен и применявшееся управляющими латифундиями, поместьями, мастерскими и др., подразумевало использование администрацией системы поощрения и наказания без анализа содержания конкретной работы. Сам работник лучше знал, как выполнить то или иное производственное действие. Для управляющего было чем-то ниже собственного достоинства разбираться в том, как завинчивать гайки, доить корову, пахать пашню или переносить мешки с песком. Если действия работника были достаточно сложными, администрация попадала от него

в зависимость. У него появлялась сильная позиция для выторговывания себе лучших условий труда и высокой зарплаты. Если такой работник приходил и требовал двукратного повышения зарплаты, его невозможно было просто выставить вон. Он всегда мог сказать: «Не хотите платить — ну так делайте сами!». А никто кроме него не знал, что и как делать. Именно эти рабочие транслировали свои знания другим, усиливая возможности пролетариев. Они же, как правило, возглавляли бригады и могли организовать открытое или скрытое сопротивление. Получалось, что квалифицированные рабочие стали главными врагами производства или, точнее, администрации и владельцев бизнесов. Заслуга Тейлора заключалась в том, что он предложил, образно выражаясь, «одного гения заменить восьмью идиотами».

Будучи, по своему образованию инженером, Тейлор настаивал на том, чтобы администрация сама вырабатывала идеальные модели совершения всех производственных действий. Он однозначно выступал за доскональное знание менеджерами всех нюансов трудовой деятельности. Рабочий при этом становился роботом, в которого загружалась необходимая информация. При этом каждый рабочий выполнял очень простую операцию, подобно тому как мы сегодня загружаем ее с помощью флешки в компьютер. А вся технологическая конструкция того или иного бизнес-процесса находилась в голове у менеджера. Тогда рабочего очень просто было заменить. Его власть выторговывать себе лучшие условия сводилась к нулю. Это было особенно характерно для США, куда ежедневно прибывали тысячи малограмотных мигрантов, готовых на любой труд. Квалифицированные рабочие оказались не нужны. Легкая заменяемость сегодняшних рабочих на тех, кто еще вчера доил корову на Сицилии или пас свиней под Варшавой, нивелировала их претензии по повышению зарплаты и улучшению условий труда.

Резонным следствием такого «разнавыкования» (deskilling) должно было стать сокращение или по крайней мере неповышение зарплаты. Однако западная экономика пошла другим путем. С ним связано имя Г. Форда. Сами по себе низкие зарплаты увеличивали прибыль отдельных предпринимателей, но они же ставили под угрозу существование всего капиталистического мира. Именно они определяли низкую покупательную способность населения, что приводило к экономическим кризисам. Поэтому Форд начал платить своим рабочим по \$1,5 в день, что, почти в три раза превышало, среднюю зарплату американского рабочего в 1920-е годы. Он это делал для того, чтобы рабочие могли покупать

собранные ими самими автомобили. Макроэкономическая концепция Дж. М. Кейнса повторяла идеи Форда но в национальном масштабе. Стимулирование спроса посредством роста зарплаты, новых рабочих мест и пособий для нуждающихся создало то, что сегодня принято называть «цивилизованным капитализмом». При этом разнавивкование не пропало даром. Его главным следствием стала почти абсолютная лояльность работников, умеющих выполнять несколько простейших операций, по отношению к своему начальству, что стало прочной основой социального мира в США. Ни о какой социалистической революции после этого говорить уже не приходилось.

Развивая парадигму Тейлора, Форд выстроил целостную социальную систему, в основе которой лежала новая уже обусловленная не природой, а запросами пролетариата стандартизация. Она базировалась на стандартизации операций, разработанной Тейлором. Ее органическим следствием стала стандартизация продукции, ведь с помощью одних и тех же операций проще всего производить одинаковый результат. С экономической точки зрения, такая одинаковость повышала экономию на масштабе, что приводило к существенному снижению цены продукции. Самое известное высказывание г. Форда: — *Автомобиль может быть любого цвета при условии, что он черный!* (англ. You can paint it any color so long as it's black!) – посвящено именно этой ситуации. Он был уверен, что изобрел идеальный тип автомобиля (подобно тому, как норвежец Ю. Воллер изобрел канцелярскую скрепку). Эти автомобили были быстрыми, ремонтоспособными, надежными и ... черными. Стандартизация продукции вызвала стандартизацию потребления, и, даже точнее, потребителя. И середина XX века прошла под флагом радости от обретения одинаковых вещей.

Форд как бы дал ответ на стремления рабочих по части доведения их потребления до уровня элиты. В начале прошлого столетия пролетарии с завистью смотрели на тех, кто каждую неделю может заказывать себе новый костюм, кто живет в отдельном доме или квартире, кто ежедневно ест в ресторане. Ответом фордистской системы была стандартизация всего и вся. Погрузившись в бездну пролетарской нищеты, общество с радостью стало «допрыгивать» до стандартов потребления элиты, правда, в несколько извращенном виде. Хотите есть в ресторане? Вот вам «Макдональдс». Хотите жить в отдельном доме? Вот вам Левитт-хаус или «хрущевка». Хотите ездить на автомобиле? Вот вам форд-Т или «копейка». Наконец, хотите каждый день менять одежду?

Вот вам джинсы, майки, кроссовки и т.п. Именно заимствование фордистской системы производства и потребления в СССР и странах Восточной Европы во многом позволило и здесь решить проблему пролетариата.

Интересно, что корни стандартизации почти всех сфер потребления можно найти в США. Именно американцы оказались самыми ортодоксальными последователями Форда во всех других отраслях. Две истории такого рода следует здесь упомянуть.

Уильям и Альфред Левитты спроектировали самый дешевый дом. Ипотечные выплаты по нему позволяли даже военному пенсионеру иметь свое собственное жилище (*За 74 квадратных метра площади жильцы платили 52 доллара в месяц при минимальном первом взносе. Всем новоселам дарили холодильник и телевизор, а также предоставляли участок с уже посаженными яблонями.*). В 1950-е годы фирма «Левитт и сыновья» была самой большой строительной компанией США, и каждый восьмой дом в этой стране строился ею. Дома были абсолютно одинаковые. В них даже были вмонтированы одинаковые стиральные машины. Левитт строго-настрого запрещал что-то менять в своих домах. Стандартизация сделала его королем строительного рынка Америки в середине XX века.

Примерно в то же время братья Макдональды сумели предложить клиентам самый дешевый гамбургер в США. Они стандартизировали все операции по конвейерному принципу и до предела сократили меню. Купавший затем у них право на распространение франшиз Рей Крок положил стандартизацию в основу своей бизнес-идеи. Дело в том, что гамбургер к середине XX века стал чрезвычайно популярной едой в Америке. В России аналогом ему выступает пирожок с мясом. С последним у нас всегда возникает проблема: покупая его в новом месте, мы никогда не знаем, каким он окажется на вкус и что находится внутри. Примерно с этой же проблемой сталкивались и американцы, приобретая гамбургеры. Им хотелось определенности. Переезжая из города в город и от одной заправки к другой, они желали получить предсказуемый, а, значит, одинаковый товар. И Рей Крок стал добиваться того, чтобы все блюда в «МакДональдсе» в любой части страны и мира были стандартными.

В стандартизацию мог быть вложен любой идеологический смысл, угодный политикам и народу. Так, У. Левитт не раз говорил во времена маккартизма в США, что человек, имеющий свой собственный дом, никогда не станет коммунистом. Таким образом, с помощью своего стандартного жилья он боролся с коммунизмом. На другой стороне Атлан-

тики Н. С. Хрущев, создавая стандартные пятиэтажки, считал, что тем самым приближает наступление коммунизма в стране. И там, и здесь главное состояло в решении проблемы пролетариата — люди смогли наконец удовлетворить свою потребность в собственном жилье, которого были лишены почти столетие.

Проблема пролетариата с помощью фордистской системы стандартизации была практически полностью решена. В середине XX века создалась очень странная и часто сегодня непонятная нам ситуация, когда потребление одинаковых продуктов рассматривалось как обретение высшего статуса. С помощью этих стандартизированных благ люди выходили из состояния пролетариев. Они начинали ощущать себя свободными от первичных жизненных потребностей. Причем, система эта и в США и в Советском Союзе оказалась весьма сбалансированной — выполняющие стандартизированные операции люди покупали одинаковые вещи, а отдохнув в «обществе» этих одинаковых вещей и одинаково одевшись, они с легкостью вписывались во всякого рода конвейерные технологии, требующее забыть о своих личных качествах и строго выполнять одни и те же операции.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОТВЕТ НА ПРОБЛЕМУ ПРОЛЕТАРИАТА

Второй ответ на проблему пролетариата можно назвать «внешним», в том плане, что для этого решения необходимо было привлекать внешние по отношению к национальной экономике факторы. Родиной этого метода с определенной долей условности можно считать Великобританию. «Владычица морей», обладающая самым большим количеством колоний, она не могла не задействовать зарубежные рынки для облегчения ситуации в метрополии. Собственно вся колониальная экспансия англичан и имела целью улучшить стандарты проживания в родной стране. Кроме того, англичане оказались в целом глухи к менеджменту и американской системе стандартизации жизни. Здесь сказался как исконный консерватизм англичан и их скептическое отношение к американцам, так и ряд вполне конкретных институциональных факторов. Элита Великобритании в большинстве своем обладала гуманитарным образованием. Понять изыскания инженеров, а также «насытить» ими все предприятия страны не было возможности. До второй мировой войны Великобритания была реальной сверхдержавой, и поэтому ее элите было непонятно, зачем что-то радикально менять на производстве, если и так дела идут неплохо.

В Великобритании не было столь сильного социального напряжения в отношениях между работниками и администрацией, как в США. К уже обозначенной выше причине, связанной с психологическим восприятием социальной иерархии как нормального явления, здесь прибавился исторический контекст развития страны, на который обращали внимание многие социальные философы. Англия — родина первой буржуазной революции (если не считать значительно более скромных как по своему масштабу, так и мировому влиянию преобразований в Голландии). Революцию свершало третье сословие, в которое входили как предприниматели, так и их работники. В то время они выступали единым фронтом, и историческая память об этих событиях оказалась весьма важной в мировоззрении англичан конца XIX — начала XX веков. К рабочим относились не как к изгоям, а как к менее удачливым братьям или даже детям. Неслучайно, доминирующий тогда стиль управления на предприятиях назывался патернализмом (от патер — отец). Владельцы бизнеса и менеджеры воспринимались не как враги, а как «разбогатевшие первыми». Поэтому использовать не слишком гуманные конвейерные и иже с ними технологии, обуздывая тем самым агрессию рабочих, не имело смысла.

Притока мигрантов в страну также не было, и квалифицированные английские рабочие не могли быть легко заменены на неквалифицированных. Все это сделало и невозможным, и не желательным распространение фордизма в Великобритании. Образно выражаясь, конвейер со всеми его модификациями не прижился на английской земле.

Вместе с тем проблема пролетариата оставалась, и ее было приятно решать, что называется «в лоб», а не разными управленческими приемами. Нужно было попросту поднять уровень жизни рабочего класса. Нужно было платить пролетариям больше, чтобы они и без всякой стандартизации имели возможность сполна удовлетворять свои первичные потребности. Во многом сущность крайне популярного в Великобритании фабианского социализма сводилась к этому. Но как поднять зарплату, не повышая производительность труда и не внедряя новые технологии? Ответ один — нужно усилить эксплуатацию людей вне страны, а затем переливать полученные деньги в национальную экономику, распределяя их между теми, кто их собственно не заработал.

Удобство этого пути заключалось в его универсальности. Если путь стандартизации был рассчитан только на рабочих, с помощью глобального перемещения средств можно было подпитывать деньгами

все слои общества, ведь во всех странах в любую эпоху вставала также проблема всякого рода люмпенизированного населения. Сегодня мы с абсолютной ясностью понимаем, что в обществе всегда существует определенная группа людей, которые по определению работать не могут и не хотят, у них просто нет ни навыка, ни стремления к какой бы то ни было трудовой деятельности. При этом они создают множество социальных проблем. Так вот деньги, заработанные от эксплуатации зарубежных рабочих, могли доставаться и им, делая уровень их потребления достаточным для вполне комфортного существования. Многие современные проблемы Европы и США заключаются в том, что как только такое финансирование неспособных к труду началось, людей такого рода становилось все больше и больше (*Вывод, который по этому поводу сделал известный сторонник правых идей в США Дж. Гилдер: борьба с бедностью порождает бедность. (см. Gilder G. Wealth and Poverty. — N.Y., 1981).* Стило только признать себя безработным, матерью-одиночкой, инвалидом (или, как это часто бывает в Дании и Голландии просто хиппи, для которого любой труд в тягость) тут же возникало соответствующее пособие, дабы снять проблему и не пробуждать у этих людей агрессивность по отношению к тем, кто хочет и может работать.

Уже упоминавшаяся выше разница в валютных курсах, имеющая сегодня либо спекулятивные, либо «дирижистские» основания, резко усилила возможности использования глобального перекачивания средств для решения проблемы потребления пролетариата и сопутствующих слоев.

Более того, этот путь сегодня оказался магистральным. Как будет показано выше, вся вторая половина и особенно конец XX столетия прошли под флагом отказа от стандартизации в условиях общества потребления. Но набравший силу тогда и не остановившийся сейчас процесс глобализации экономики стал основой для поддержания высокого уровня жизни в странах «золотого миллиарда».

Сегодня возникла весьма специфическая конструкция перекачки денег, ориентированная не только на распределение сверхприбыли от эксплуатации работников в странах с дешевой валютой и низким уровнем жизни, но и на выкачивание денег с помощью потребительских кредитов. Эту конструкцию поддерживает сложная мировая банковская система, а также система внешних заимствований государств. Средняя китайская семья, если в ней работают оба супруга, старается сберечь одну зарплату в месяц. В условиях низкой социальной защищенности, платности образования и значи-

тельной части здравоохранения а также почти полного отсутствия пенсионного обеспечения такая ситуация оказывается вполне рациональной. Через систему внешних заимствований деньги, лежащие в китайских банках, перекачиваются в США и Европу, где они раздаются в виде потребительских кредитов. Причем, последними могут пользоваться даже безработные и пенсионеры. Население стран «золотого миллиарда» активно потребляет, а для их потребления Китай как «мировая фабрика» производит все необходимое — и товары, и деньги. Понятно, что именно в силу такой ситуации китайская семья имеет зарплату, которую и откладывает.

Данное положение вещей многократно проанализировано в литературе, в особенности после кризиса 2008–09 годов. Главный вывод этого анализа состоит в том, что такая специфическая финансовая конструкция не может работать вечно. Несмотря на это, следует признать, что у экономического времени свои законы: в отличие от астрономического или физического оно может многократно замедляться и ускоряться. При этом некоторые насущные в какой-то момент проблемы на другом этапе развития попросту снимаются. Сама же по себе эксплуатация развивающихся стран осуществляется по столь разным и изощренным схемам, что может продлиться очень долго. По большому счету вся данная конструкция может рухнуть только в условиях, когда США потеряют имидж самой сильной экономической державы на планете, и люди перестанут вкладывать деньги в американские (а вместе с ними и в европейские) ценные бумаги и банки.

Вообще использование разницы в валютных курсах может стать долгосрочной основой поддержания высокого уровня жизни в развитых странах. Во-первых, разница эта при существующей схеме определения валютного курса с помощью рынка FOREX будет всегда, т.е. всегда будут страны, где уровень жизни значительно ниже, чем в других, в особенности, развитых. Для успешного получения сверхприбыли нужно просто умело перемещать производство по миру, что сегодня и происходит. Во-вторых, схема перекачки средств из развивающихся стран в развитые снимает психологические аспекты эксплуатации. Если уровень потребления в стране низок, то зарплата в \$20 в месяц воспринимается не как издевательство, а как «облагодетельствование». Работник не чувствует себя ущемленным. Наконец, в-третьих, система цен в стране с низким валютным курсом и соответственно с очень низкой ценой национальных товаров действительно дает «эксплуатируемому» работнику почувствовать себя вполне достойно в плане возможностей потребления.

В развитых же странах вначале прибыль от использования дешевой рабочей силы оказывается в руках конкретного предпринимателя или акционерного общества, но затем с помощью налогов, банковских операций и внутренних инвестиций часть ее успешно распределяется между широкими слоями населения развитых стран.

Схему распределения сверхприбыли от низкой стоимости рабочей силы можно, в принципе, использовать и в одной большой стране с разными регионами, где уровень жизни сильно различается. Но это сложнее и в данном случае утрачиваются две последние причины жизнеспособности такой схемы на глобальном рынке. Такую схему успешно применяет Китай — этот грандиозный хозяйственный мир, сравнимый с маленькой планетой. В Китае существуют развитые восточные районы с высокой зарплатой и слабо развитые западные — где нанять человека для работы можно буквально за бесценок. Производство в Китае в последние годы постоянно мигрирует из региона в регион сообразно этим закономерностям. Применяют схему «национальной глобализации» и в России, правда, в меньших объемах, чем в Китае. Всем известно, колл-центры и другие сервисные подразделения крупных компаний, базирующихся в столице (или столицах) переводят в близлежащие области, где зарплата существенно ниже. При этом хорошо зарекомендовавшие себя работники, так сказать, «выдвинувшиеся» (очень часто благодаря своей творческой активности самого разного рода) переводятся в Москву или в Питер, где пополняют армию местных «постиндустриалов». Однако то, что уровень жизни в столицах нашей страны в несколько раз выше, чем в отдельных регионах и, прежде всего, в сельской местности, воспринимается как серьезная социальная проблема. Житель тамбовской деревни, попадая в Москву, сразу ощущает всю несправедливость такого положения вещей. На мировом рынке этого не происходит: житель Камбоджи или какой-нибудь африканской страны просто не едет отдыхать в США, а на родине для удовлетворения первичных потребностей и даже для откладывания некоторых сумм зарплаты ему может вполне хватать.

Следует сделать традиционное замечание о том, что два пути решения проблемы пролетариата не столько разнятся друг с другом, сколько друг друга дополняют. Во-первых, фордисткие технологии многократно облегчили вывоз производства в развивающиеся страны. Они изначально были рассчитаны на мигрантов, пребывающих в США. Но зачем ждать, пока рабочая сила придет в страну, где стандарты потребления достаточно

высоки? Не проще ли переместить производство, основанное на самых простых операциях в родную страну мигранта? Тогда ему можно будет платить еще меньше — ведь и на эти деньги с учетом валютной разницы он сможет удовлетворять свои потребности, и, как говорилось выше, даже что-то откладывать. Стандартизированное производство, не требующее от работников квалификации, очень легко перемещать по миру. Это происходило все последние десятилетия. Производство мигрировало туда, где зарплата меньше притом, что для его организации нужно было иметь буквально несколько квалифицированных менеджеров. Все остальные работники не требовали специальной подготовки. Это происходило с автомобильной промышленностью, сегодня происходит с легкой. Из Китая пошив стандартизированной одежды все активнее «мигрирует» в Индию и Бангладеш, где цена труда ниже. Квалификация работников при этом отходит на второй план. Даже лучше, если она будет низкой, тогда лояльность персонала и возможность платить ему мало опять-таки сильно возрастает в силу легкой взаимозаменяемости работников. Важно только одно — желание людей работать.

Во-вторых, США и другие страны, формально не обладавшие колониями, очень быстро освоили возможности размещения производства в независимых странах с тем же, если не лучшим, эффектом. Разница в зарплате остается при этом, но не нужно тратиться на поддержание порядка и содержание местного государства. Часто такую ситуацию называли «неоколониализмом», и в целом этот термин вполне адекватно описывает старую схему перекачки средств в метрополию в новых, более «цивилизованных» условиях. При этом само размещение иностранного производства в стране чаще всего «на ура» воспринимается как правительствами, так и рядовыми гражданами. Ведь производство — это и зарплаты, и налоги, и возможность участвовать в разделении труда, набраться опыта. Даже правящие круги России постоянно озабочены низким уровнем иностранных инвестиций в национальную экономику, а что говорить о менее развитых странах, к тому же не имеющих поступлений валюты от природных ресурсов.

Второе решение проблемы пролетариата — глобализация — не является окончательным. Избавляя от пролетариата в одной стране, оно создает ее в другой почти с теми же последствиями. Но тут нужно сделать ряд оговорок, позволяющих опять-таки взглянуть на систему глобализации не как временную, а относительно постоянную. Как уже упоминалось по отношению к применению этой

схемы в национальных экономиках, у недовольных пролетариев из развивающихся стран есть «отдушина», которой были лишены их предшественники в Европе и США столетие назад. Они могут сделать успешную карьеру и переместиться в страны с более высоким уровнем потребления. Такая ситуация явно убавляет «революционный пыл» тех, кому в планетарном масштабе явно недоплачивают.

Кроме того, часто положение в развивающихся странах настолько плохо, что любая работа воспринимается как счастье. Наряду с этим национальные правительства, особенно если обретают некоторое количество дополнительных доходов (как в Венесуэле от нефти) и придерживаются самостоятельной, а не прозападной политики, могут постараться поднять общий уровень жизни в стране. Правда, при этом они почти гарантированно потеряют значительную часть иностранных инвестиций. Так или иначе, мир многообразен, и разработчики различных схем выкачки денег и ресурсов действительно творчески подходят к каждой конкретной ситуации, дабы сгладить наиболее болезненные последствия своих действий.

Таким образом, доходы всех людей — даже не работающих — в развитых странах во много раз превышают доходы квалифицированных работников в странах развивающихся или исключенных из системы перекачивания денег на потребление. Элита Запада должна была позаботиться о том, как объяснить такую ситуацию, скрыв ее реальные не слишком презентабельные причины и следствия. Так возникла концепция, а точнее сказать, идеология постиндустриализма. Согласно ей в современном обществе информация составляет основу экономики. Главные достижения связаны с работой с символами, а не с вещами. За идеи и нематериальные активы платят больше, чем за продукцию, в которую они воплощены. Оперирование же с идеями происходит в развитых странах. Здесь сконцентрирована творческая активность всей планеты. Поэтому вполне справедливо, что население этих стран получает больше тех, кто живет за их пределами (*Хотя старая американская поговорка гласит: «Доллар тому, кто придумал; десять тому, кто сделал; сто тому, кто продал»*, сторонники постиндустриализма считают, что в настоящее время нужно самым радикальным образом изменить такое положение вещей. При таком изменении сто долларов должен получать придумавший, примерно столько же торгующий (ведь продажа также предоставляет собой некое экономическое творчество), а вот сделавший может удовольствоваться и долларом.).

Справедливости ради нужно сказать, что изначально теория постиндустриального общества не несла в себе такого посыла. Ее наиболее авторитетный основатель Д. Белл своей концепцией просто констатировал тот факт, что на рубеже 1960–70-х годов в Америке в сфере сервиса людей стало работать больше, чем в промышленности. Понятно, что к сфере сервиса относятся и торговля, и ремонт, и разного рода традиционные услуги. Все эти отрасли никак нельзя назвать концентрацией творчества. Более того некоторые из них имеют еще доиндустриальную кустарную природу. Затем уже более поздние адепты данной концепции нагрузили ее нужным для Запада идеологическим содержанием. Главное, что в нее было добавлено — это распространение творческой активности на широкие массы людей, практически на всех тех, кто живет в развитых странах и имеет высшее образование. Сама идея расширения творческой активности, как будет показано ниже, весьма плодотворна, но ее никак нельзя воспринимать в том плане, что в странах «золотого миллиарда» теперь живут миллионы творцов, берущих за свои изыскания «дань» со всего мира.

В целом же нужно признать, что идущие рука об руку два решения проблемы пролетариата — стандартизация и глобализация — к середине прошлого столетия сняли ее с повестки дня в развитых странах. Доминирующим классом в социальной структуре стал средний, количество потребительских благ и возможности выбора из них многократно возросли. При этом отголоски решений проблемы пролетариата слышны по сей пору, и во многом именно они формируют современную реальность постмодерна.

«СУБЛИМАЦИЯ» ТВОРЧЕСТВА: ОТ ПРОИЗВОДСТВА К ПОТРЕБЛЕНИЮ

Наиболее четко эпоха постмодерна зафиксировала себя отказом от всякой стандартизации в потреблении. Радость от потребления стандартных благ была более чем скоротечна по историческим меркам. Вообще, как уже упоминалось выше, вся стандартизация на практике оказалась возможным в реальности «допрыгиванием» большинства населения до стандартов потребления элиты. Наборы потребляемых благ у элиты и населения действительно в значительной степени сблизилась. Но настолько отличались сами эти блага (обычные рестораны от фастфуда, стандартное жилье от отдельных коттеджей, дешевая одежда от люксовой), что обычные люди с неизбежностью стали стремиться еще в большей степени походить в своем потреблении на элиту. Фактиче-

ски, с формированием устойчивого среднего класса стандартизация потребления перестала быть желанной. Она, наоборот, стала отпугивать потребителей.

Судьбы застрельщиков стандартизации в этом плане весьма показательны. Г. Форд не смог выдержать конкуренции с возглавляемой А. Слоуном компанией «Дженерал Моторс», производившей не стандартизированные, а разнообразные автомобили, и в 1930-е годы его фирма резко сдала свои позиции на рынке. Только военные кредиты в 1940-е годы во многом позволили ей удержаться на плаву. У. Левитт закончил свою жизнь в больнице, построенной когда-то на его собственные деньги, но долги его на тот момент были настолько велики, что он даже не мог заплатить за свое лечение.

Значительно лучше обстояли и обстоят дела с компаниями фастфуда. Но здесь мы имеем ситуацию, когда стандартизация в рамках одной компании существенно дополняется разнообразием продукции, предлагаемой разными фирмами. Можно все время питаться в фастфудах, и при этом каждый день покупать разные блюда. Про автомобили и дома такого не скажешь. Люди повсюду стали тяготиться жизнью в однотипных коробках и ездой на однотипных машинах. Доходы среднего класса и достижения технического прогресса сделали возможным предложение поистине разнообразных товаров. Иногда разнообразие доходит до выполнения индивидуальных заказов, что еще несколько десятилетий назад было возможно только по отношению к представителям высших сословий. Стандартизация как императив потребления ушла в прошлое.

Однако значение потребления благ для эпохи постмодерна нельзя объяснить только ростом разнообразия этих благ. Изменилась сама сущность потребления и тот смысл, который вкладывают в него люди.

Возрастание количества людей, причастных к творчеству, это не просто интеллектуальная фикция, придуманная для оправдания богатства Запада. За этой идеей стоит целая история концепций, базирующихся на эволюционном подходе к жизни и обществу. Как ни странно этот подход оказался идеологически и психологически близким мыслителям из англосаксонских стран и России. По большинству других параметров философские изыскания предстателей этих культур самым серьезным образом отличаются, но здесь совпадение налицо. По всей видимости, эта приверженность искать эволюцию во всем отразило особенности национального менталитета: в большинстве своем и русским, и англосаксам близко линейное и стадийное понимание истории. Стоит упомянуть, что

на склонность англосаксов во всем видеть эволюцию обратил внимание еще О. Шпенглер, отстаивавший циклический подход к пониманию развития отдельных народов и их групп.

Когда Ч. Дарвин выдвинул свою эволюционную теорию по отношению к развитию видов животных на Земле, она сразу же стала притягательной для ученых-гуманитариев. За более чем столетнюю историю эволюционного подхода, не было отрасли гуманитарных и социальных наук, где бы ни пытались применить эволюционную методологию.

При этом если эволюционная теория создавалась по отношению к обществу в целом, всегда вставал вопрос — какова же высшая стадия развития? В попытке ответить на этот вопрос, всегда состояла самая слабая и неясная часть этих теорий. Это было и марксовым коммунизмом, и с последними стадиями эволюции цивилизации у Тойнби, и с идеалистической цивилизацией (суперсистемой) у П. А. Сорокина и у всех других, ведущих в будущее нить истории и пытавшихся что-то конкретное предсказать на основании законов эволюции. Однако попытки эти не заканчивались и, наверное, не закончатся никогда.

Одной из возможных тактик в предсказании высшей стадии развития человечества стала апелляция опять-таки к эволюционному правилу: *в онтогенезе отражается филогенез*, т.е. развитие человечества в чем-то напоминает развитие отдельного человека. Но что же считать высшим этапом развития личности? Здесь как раз возникло некоторое негласное единство: высший этап развития личности — это творческая активность. Если человечество способно преобразовать окружающий мир, то высшей заслугой отдельного человека будет внести лепту в это преобразование. Таким образом, творчество становилось венцом развития отдельного человека.

Наиболее четкую эволюционную концепцию в этом плане предложил сын уроженцев Российской империи, проживший всю сознательную жизнь в США (т.е. воспитанный в англосаксонской культуре) — А. Маслоу. Его иерархия потребностей — от физиологических до самореализации (самоактуализации, т.е. творчества) задает очень понятный вектор развития личности. Выстраивая свою пирамиду, он, правда, однозначно утверждал, что на ее вершину поднимаются не все люди, что подлинных творцов в мире мало (собственно именно поэтому он и изобразил свою классификацию потребностей в виде пирамиды: если физиологические потребности свойственны всем людям, потребность в творчестве — только немногим). Но, так или иначе, направление индивидуальной эволюции человека было задано.

В XXI веке появился закономерный синтез эволюционных теорий отдельного человека и общества в целом. Постиндустриальное общество стало представляться социальной системой, где на последнюю ступень пирамиды Маслоу поднимается все большее количество людей. Наиболее явно эту концепцию изложил Пинк в своей книге «Нация свободных агентов», где четко противопоставил протестантскую трудовую этику, свойственную раннему капитализму, мотивации человека постиндустриального общества. Последняя связана с творением нового с самореализацией, т.е. с подъемом на вершину пирамиды. «... кальвинистские ценности и порожденная ими трудовая этика иногда превращались в «железную клетку», с которой можно было мириться, если не было другой возможности. Когда в новых возможностях нет недостатка (т.е. в постиндустриальном обществе — С.Б.), эта «клетка» становится настоящей тюрьмой. В конце концов, трудно карабкаться по пирамиде Маслоу, если вы заперты в клетке Вебера» [5].

Получается, что практически все «развитые» люди «развитого» постиндустриального мира должны быть охвачены творческим порывом. Такое толкование очень хорошо вписывается в господствующий сегодня демократический дискурс, однозначно исходящий из того, что все люди равны. Этот дискурс настолько сильно утвердился в современном обществе, что начал проникать в сферы, явно для него не приспособленные. Стоит взглянуть на многочисленные интервью с экстрасенсами. Почти в каждом из них присутствует странный мотив: *такие способности, как у меня, есть у всех*. Такой нарочитый демократизм вызывает резонное удивление. Если уж человек чем-то (реально или мнимо) отличается от других людей, более того он берет деньги за то, чтобы продемонстрировать свой талант, т.е. свое отличие от других, зачем ему снижать свои достоинства и постоянно повторять, что я просто один из вас? В маркетинговом плане такой подход уменьшает страх людей перед чем-то неизведанным, но постоянное повторение его всеми людьми, действующими в данной специфической сфере, говорит о стойкости демократических концептов в нашем социуме. Идея равенства людей стала уже на подсознательном уровне восприниматься как один из аспектов научности и достоверности в суждениях о социальных явлениях и процессах. Нечто подобное тому, что происходит с презентацией экстрасенсорных способностей, произошло и с творчеством. Оно теперь якобы свойственно всем людям. Но можно ли представить себе мир, состоящий из одних творцов?

Реальная общественная практика многократно и уверенно опровергает все подобные представления. Во-первых, даже на уровне обыденного сознания понятно, что отнюдь не все люди способны к творчеству — умеют и хотят творить. Есть большая когорта, что называется, чистых исполнителей, а также упомянутых выше людей, не способных ни к какому труду вообще. Вообще обыденное сознание воспринимает способность к творчеству как некий дар, совсем неравномерно распределенный между людьми. Во-вторых, для реализации творческих идей творцу необходимы те, кто будут воплощать их в жизнь. А для этого часто нужно задействовать тысячи людей, которые в этом процессе не могут и не должны менять замысел творца. Они просто выступают в качестве его рук, ног, глаз, а иногда и мозгов. Но ни одна из этих ролей не подразумевает создание чего бы то ни было нового. Люди должны просто тиражировать идею, созданную не ими. В-третьих, само поддержание жизни человечества требует усилий множества людей, которые должны изо дня в день выполнять свои обязанности, ни коим образом не отклоняясь от шаблона.

В сфере обеспечения жизни людей основным императивом всегда будет безопасность, а не творчество. В России миллион железнодорожников. Многие из них вполне могли бы заняться творческой деятельностью. Но как творчески переключать стрелки на железной дороге? То же самое можно сказать и об энергетике, особенно, атомной, о системе ЖКХ, отрасли связи и многом другом. В любом современном обществе миллионы людей должны просто выполнять обязанности для поддержания нормальной инфраструктуры самой жизни. Эти обязанности никак не связаны с творчеством. Такая ситуация особенно явно прослеживается в российской экономике. Вследствие тяжелых климатических условий и размеров страны чуть ли не большая часть населения тратит свои трудовые усилия просто для поддержания нормальной жизни. Так возникает один из многочисленных парадоксов русской цивилизации: будучи от природы и от воспитания людьми достаточно изобретательными и способными к оригинальным творческим решениям, мы вынуждены в большинстве своем всю жизнь только четко выполнять чьи-то приказы. В противном случае существование российского общества станет невозможным. Неистребимость тейлоризма и фордизма, а также широкое распространение подобного рода менеджмента в России даже в постиндустриальную эпоху связано не с потребностью в выпуске одинаковых товаров, а с императивом безопасности. На основе раз и навсегда

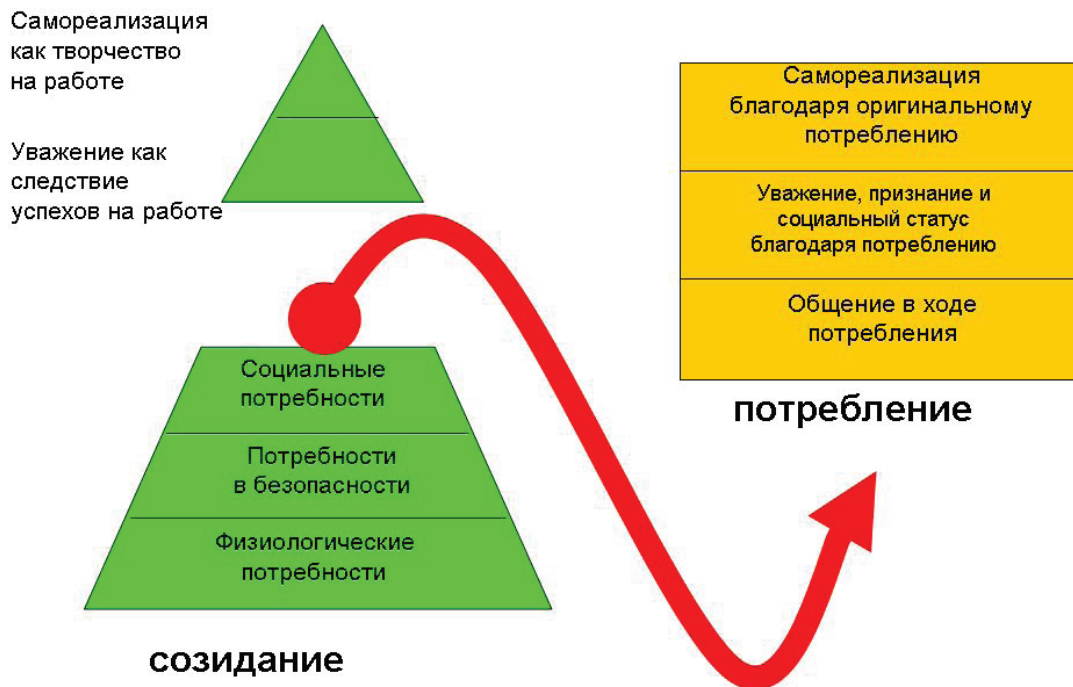

Рис. 1. Пирамида А. Маслоу с точки зрения производства и потребления

выверенных стандартизированных процедур действуют все сложные технологические комплексы, поддерживающие современную жизнь. В рамках этих комплексов только у ничтожного процента высших менеджеров, да и то в очень ограниченном объеме, появляется возможность принятия поистине творческих решений.

Но как же быть со стремлением членов постиндустриального общества к творческой активности? Единственным ответом на этот вопрос будет перенаправление данной активности со сферы производства в сферу потребления. Традиционно, когда пирамида Маслоу рассматривалась в теории менеджмента, подразумевалось, что удовлетворение потребности в самоактуализации происходит на работе (Например, «... как показал еще в 1962 году Маслоу, одним из лучших (а возможно, самым лучшим) способов самореализации является работа» (Пинк Д. *Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки*. — М.: Издательский дом «Секрет фирмы». — С. 71). Человек начинает производить что-то новое. Но так как такая возможность присутствует только у небольшого количества работников, а в силу демократической идеологии к творчеству начинают стремиться все, необходимо заменить стремление к производственным иннова-

циям стремлением к инновациям потребительским. В этом случае у пирамиды, описывающей средства удовлетворения потребностей появляются две вершины. Если в основании для первичных потребностей — физиологических и в безопасности — разделение на те, которые удовлетворяются на производстве и в сфере потребления не актуально, то начиная с третьего уровня — социальных потребностей — человек может находить средства удовлетворения как на работе, так и в быту (Рис. 1). Действительно, получая зарплату, и покупая на нее одежду, пищу и другие товары для удовлетворения первичных потребностей, человек как бы выступает в единой ипостаси — работника-потребителя. Если же он хочет удовлетворить потребность в общении он может это сделать на предприятии в условиях хорошего психологического климата, т.е. на производстве, а может и в сфере потребления, занимаясь шопингом, обсуждая купленные товары в социальных сетях, просто общаясь с соседями, друзьями, знакомыми и родственниками по поводу приобретенных благ. Сделанный ремонт или купленная шуба являются столь же «плодотворными» объектами обсуждения, как и ситуация на предприятии. То же самое происходит и с потребностью в уважении. Традиционно главным средством ее удовлетворения считалось

признание производственных успехов человека. Но эти успехи есть не у всех. По определению, они не могут быть у всех: не могут быть все рабочие лучшими в цеху, а все клерки лучшими в банке. Тогда человек опять реализует потребность в уважении в сфере потребления. Это может быть покупка любой оригинальной вещи, которая привлечет к человеку внимание. Особенно это характерно в сфере хобби, когда кто-то создает или приобретает нечто уникальное.

Но главное, что предоставляет потребление современному человеку — это возможность самореализации. **Потребление — это творчество в условиях постиндустриального демократического общества.** Творческое потребление доступно всем. Всегда можно сделать что-то оригинальное в процессе покупки товаров и услуг, благо что их количество постоянно возрастает. Важно просто из всего этого разнообразия выбрать вещи, немного отличающиеся от тех, которыми обладают другие люди. Более того, потребление становится самым демократическим видом творчества ввиду феномена новизны. Если человек уж совсем не может придумать ничего оригинального в сфере своего потребления, он может просто покупать новое и тем самым самореализовываться. Широковещательные объявления о новых смартфонах и других гаджетах, а также реакция на них миллионов людей на планете — лучшее тому подтверждение. Покупая новинку, человек удовлетворяет все свои высшие потребности притом, что у него даже вовсе нет чувства стиля, времени и желания для придумывания чего-то оригинального.

Миллионы и даже миллиарды людей на планете, не имеющих возможности проявить творческую активность на работе, проявляют ее в сфере потребления. Здесь они и обретают чувство причастности, и реализуют потребность в общении, и вызывают уважение у других, и, главное, творят свой потребительский мир.

Важно отметить еще одну особенность современного потребления как творчества — оно не обязательно требует напряжения сил — физических и умственных. Люди современности стали больше работать. Наиболее ярко об этом свидетельствуют всевозрастающие цифры рабочих часов в США и Японии. На практике были опровергнуты множественные прогнозы, бытовавшие в середине прошлого века и ранее, относительно будущего общества, в котором люди будут меньше работать. Стоит вспомнить программу коммунистической партии СССР, принятую при Н. С. Хрущеве. Путь к коммунизму там был четко обозначен снижением

рабочих часов и дней в неделю. Такое понимание будущего отражало реалии индустриальной эпохи: люди уставали работать на машиностроительных и иных производствах. Они жаждали отдыха. Пенсия воспринималась как «заслуженный отдых» и ее хотелось получить, как можно раньше. Сегодня все больше людей не хотят уходить на пенсию. Физической усталости от работы в офисе не так много, а вот восполнить нехватку общения и причастности к коллективу пенсионеру очень сложно.

В результате люди сильно устают, у них нет такого свободного времени и таких сил, чтобы воспринимать продукты творческой активности, подобно высшим слоям доиндустриальной эпохи. Даже представители элиты часто работают по 16–20 часов в сутки. Это прежде всего касается основателей успешных бизнес-империй. От потребления люди ждут релаксации, в конце концов, просто отдыха, но «с творческим оттенком». Именно поэтому шедевры прошлого так часто не воспринимаются представителями современного постиндустриального мира. У них просто нет возможности потреблять в таком темпе и с такими затратами энергии, как это предполагал автор, живший несколько веков назад.

Потребление товаров и услуг — это одновременно и творчество, и отдых. Оно дает человеку возможность удовлетворить — пусть и слегка выхолощенным путем — все высшие потребности и при этом набраться сил для работы, где чаще всего удовлетворить эти потребности в полном объеме невозможно.

Потребление как творчество — это решение проблемы среднего класса. Подобно пролетариату у среднего класса в современной социальной системе всегда образовывались определенные проблемные ситуации и очаги психологического напряжения. Они уже не были связаны с удовлетворением первичных потребностей, скорее они возникали из-за постоянной пропаганды современного мира как мира активного творчества. В реальной жизни эта пропаганда явно противоречила окружающим производственным реалиям, где это творчество невозможно было осуществлять. Если для пролетариата было придумано стандартизированное потребление, для среднего класса — разнообразное творческое потребление. Вне его у его представителей неизбежно развивалось бы чувство фрустрации, и «офисный планктон» начал бы восставать против современного порядка вещей. Потребление же дало возможность сбалансировать социальную систему современного общества.

Представители интеллигенции вполне резонно скептически относятся к консюмеризму, к охоте

за новыми вещами в условиях, когда старые вполне пригодны для употребления, к поклонению потребительским благам. Их скепсис вполне понятен, ведь они никогда не испытывали дефицит творчества. Более того, им приходится адаптировать свою творческую активность под «плебейские» вкусы масс. Им никогда не понять человека, сидящего 10–12 часов в офисе лизинговой компании или компании сотовой связи и выполняющего рутинную умственную работу. Для последнего покупка нового автомобиля подобна написанию романа, приобретение смартфона схожа с наброском удачного стихотворения, а ремонт в квартире или в коттедже, результатами которого восхищаются друзья и знакомые, воспринимается аналогично успеху в решении сложнейшего парадокса физики или математики.

Проповедники постиндустриализма радикально ошиблись с количеством творческой активности на современном производстве. Фордовского рабочего заменил не творец, а клерк. Но этому клерку постоянно внушают, что он должен творить, что у него есть интеллектуальный потенциал, что он рожден для чего-то большего, чего-то более высо-

кого. В этих условиях творческое потребление стало сублимацией нереализованной энергии производственных инноваций. Консюмеризм — это не болезнь, а лекарство, причем, лекарство весьма удачное. Ведь прогресс в разработке все новых и новых товаров и услуг не остановить. А если даже не удастся создать нечто поистине оригинальное, всегда можно старое «упаковать в новую обертку», добавить несколько штрихов и выдать за новую ступень в развитии потребления и, соответственно, потребителя.

Постиндустриальное общество невозможно без сильной ориентации населения на потребление самых разнообразных благ. Количество людей, от которых требуется творческая активность на производстве, безусловно, возросло в сравнении с серединой прошлого века. Но таких людей никогда не будет большинство. В этих условиях творческое потребление становится самым демократическим решением проблемы дефицита творчества для той огромной по численности части человечества, для которой уже не актуальна проблема пролетариата, т.е. тех, кто живет в развитых и приближающихся к ним по уровню развития странах.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дюма А. Граф Монте-Кристо. — М., 1977. — Т. 2, С.50
2. Эвола Ю. Языческий имериализм. — М., 1994. — С.34
3. Генон Р. Кризис современного мира. — М., 1991. — С.74
4. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. — М.: Журнал «Контроллинг», 1991. — С.102.
5. Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. — М.: Издательский дом «Секрет фирмы». — С. 72.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Dyuma A. Graf Monte-Kristo. — М., 1977. — Т.2, S.50
2. Evola Yu. Yazycheskii imerializm. — М., 1994. — S.34
3. Genon R. Krizis sovremennogo mira. — М., 1991. — S.74
4. Teilor F. U. Printsipy nauchnogo menedzhmenta. — М.: Zhurnal 'Kontrolling', 1991. — S.102.
5. Pink D. Natsiya svobodnykh agentov: kak novye nezavisimye rabotniki menyayut zhizn' Ameriki. — М.: Izdatel'skii dom 'Sekret firmy'. — S. 72.